

СТРАХ

Иосиф Рабкин

Не думай, что время проходит...

Это проходишь ты.

Борис Кушнер

Почему не отпускают воспоминания?

Любое историческое событие волнует современника, когда он находит в нем созвучие со своим временем. Как писал историк Ключевский, «Историю нужно знать не оттого, что она прошла, а оттого, что, пройдя, не смогла убрать свои последствия».

Итак, последствия... Во-первых, в народе закрепился синдром покорности, конформизма. Во-вторых, вновь набирает силу антисемитизм во всем мире. Появились новые формы антисемитизма: религиозный антисемитизм, религиозный антисиионизм. Выступление пасторов евангелистской церкви Хагина и Райта с нацистскими высказываниями – тому свидетельство. Появился исламонацизм как угроза евреям. Даже спортивные болельщики-фанаты на мировых футбольных матчах проявляют антисемитизм.

В-третьих, появились нового типа диктаторы (Ахмадинежад, Насралла), которые откровенно заявляют о желании гибели государства Израиль.

В-четвертых, появились не «врачи-отравители», а подготовленные разведками профессионалы, специалисты-отравители, владеющие радиоактивными и психотропными веществами, энергетическими излучателями и пр., способными уничтожить конкретного человека или группу населения.

Несмотря на все это, возникла опасная тенденция национального беспамьяства у некоторой части еврейского народа. В самом деле, загадочная нация – евреи, другой такой не существует на свете: их убивали, сжигали, уничтожали, а они все забывают. Но ведь известно, что, если жизнь съедает **память**, возможна новая трагедия. Поэтому и не отпускают воспоминания...

Для чего нужна память?

Да, у человеческой памяти есть одна характерная особенность – **забывать**. Представьте себе преследования, которым евреи подвергались веками: погромы, сожжение храмов, набеги казаков, уничтожение целых семей, рассеяние народа и Холокост. Можно это забыть? **Память** необходима для сохранения важнейших событий прошлого. Одно из таких событий – «дело врачей» 1953 года.

Традиция учит тому, что память сохраняется тогда, когда запоминанию сопутствуют новые переживания. Их я и хочу воссоздать. И если читатель постарается заново пережить прошлые события, принимая в них участие, он поймет значимость этих событий для будущих поколений и запомнит их на всю жизнь.

То, что Сталин компоновал не одно, а, по меньшей мере, три «дела врачей», говорит о системном подходе.

Многим пришлось быть очевидцами и свидетелями событий самого громкого «дела врачей».

Очевидец – это тот человек, который не только видел, но у которого личные впечатления, переживания, воспоминания и слова переплелись воедино.

В чем секрет возвращения времени? В памяти пережитого есть два отсчета времени. Время прошлое и время настоящее. Может быть, поэтому рассказы очевидцев, свидетелей, детей пострадавших, людей, знакомых с «делом врачей», должны служить напоминанием о роли Сталина и его приспешников в окончательном решении покончить с еврейским вопросом.

Еврейский вопрос – это больной вопрос. Почему сейчас вновь еврейский вопрос стал болезненным? Возможно, потому, что заболели все национальные вопросы? Может быть, но еврейский вопрос особенно обострился в последние годы. С этих позиций рассмотрим вопрос о юдофобии.

Термин *юдофобия* ввел одесский врач Лев Пинскер. Будучи знатоком различных страхов, он воспользовался медицинским термином «фобия».

Он описал юдофобию в своей знаменитой брошюре «Автоэмансипация» (1882)[6], написанной под впечатлением погромов 1881г., последовавших за убийством царя Александра II в марте 1881г.

Юдофобия – это болезненная ненависть к любому представителю еврейской нации. Этот термин адекватно выражает природу ненависти к евреям: страх перед Творцом, его Торой, иудаизмом и ненависть к евреям – его носителям. Любая юдофобия, антисемитизм как термин лишен логики. Думаю, что именно юдофобия привела к полному маразму советских руководителей всех уровней. Это явление политическое и психологическое.

Был ли Сталин юдофобом?

Однозначно – да, как многие считают. Хотя Жорес Медведев, известный британский и российский историк, отрицает это [5]. Обратимся к фактам.

Почему Сталин стал антисемитом? Ведь в Грузии как будто антисемитизма не было? Просто всю свою жизнь, начиная от своего революционного ученичества, он сталкивался с людьми более образованными, культурными, более эрудированными, да просто лучше говорящими по-русски революционерами - евреями. Всю жизнь он завидовал Льву Троцкому, ненавидел его – и уничтожил. Ему – властолюбивому, злобному, коварному, циничному, злопамятному, мстительному человеку – легко было стать зоологическим антисемитом. К тому же его антисемитизм сильно подогревался тем, что на его жену, Надежду Алилуеву, влияли еврейские жены его соратников. Жена Молотова – Полина Жемчужина (Перл Курловская), жена Рыкова – Нина Маршак, первая жена Каменева – Ольга Бронштейн, обе жены Бухарина – Есфирь Гуревич и Анна Ларина (Лурье), жена Ворошилова – Голда Горбман, Кирова – Мария Маркус, Куйбышева – Евгения Коган, Андреева – Дора Хазан, Орджоникидзе – Зинаида Павлуцкая, Калинина – Екатерина Лорберг, Постышева – Татьяна Постолецкая, Луначарского – Наталья Розенель, Ягоды – Ида Авербах (племянница Свердлова), Ежова – Евгения Хаютина и т.д.[3].

Почему у многих революционеров были жены - еврейки? Ничего удивительного. Это были молодые революционно настроенные женщины, которые несли своим мужьям культуру.

Сталин долгие годы скрывал свой антисемитизм. В одном из резких разговоров с дочерью Светланой (у нее, как известно, была склонность к евреям - мужчинам: первый муж – еврей Морозов, поклонник – Алексей Каплер, киносценарист, написавший несколько сценариев: «Ленин в Октябре», «Ленин в 1917 году») Сталин бросил дочери фразу: «Вся история нашей партии есть история борьбы с евреями» (А.Н. Яковлев «Сумерки»[8]).

На XIУ съезде партии (декабрь 1925 г.) Сталин отстранил от центральной власти еврейских лидеров партии – Троцкого, Каменева и Зиновьева. На известном процессе 1936 г. из 16 подсудимых 11 были евреи.

В своей книге «Двести лет вместе» А. Солженицын задает вопрос: «И откуда же вновь этот заклятый антисемитизм? Лишенный всякой силы, дискредитированный и раздавленный окончательно... Откуда он опять?». И отвечает голосом еврея: «Причина антисемитизма лежит в самих евреях». Совсем не новый тезис.

Сталин насаждал **советский государственный** антисемитизм с конца 1930 годов, когда в стране воцарился террор, а политическая власть целиком сосредоточилась в его руках.

Самым мрачным и тягостным был 1949 г. – год его семидесятилетнего юбилея. Никакие подарки не могли порадовать Сталина, т.к. настоящее удовлетворение он получал только от чувства ужаса, испытываемого людьми. Сталин был хорошо «иудейно» подкованным человеком. Того, кто проповедовал еврейскую культуру, он называл «буржуазным националистом», того, кто отождествлял себя с мировой культурой, – «безродным космополитом». Борьба с космополитизмом, разгром Еврейского Антифашистского комитета – все это внушало страх народу.

Фобии Сталина

Сталина боялись как конкретного человека, но он был страшен еще и тем, что сам страдал страхами. **Страх** - от греческого слова «фобия». **Фобия** – это иррациональная боязнь объекта или ситуации, это неприязнь или ненависть к ним.

В течение длительного времени я с позиций врача интересовался тем, что собою представляет личность Сталина. Парадокс жизни заключается в том, что иногда люди, принесшие боль, беду, страх, запоминаются лучше, чем добрые. Могу сказать, что, кроме юдофобии, Сталин страдал многими фобиями как патологическая личность.

Он страдал **социофобией** - боязнью быть на людях. Вспомним его уединение на ближней даче в начале войны, 29-30 июня 1941 г. Страна осталась обезглавленной. Он боялся выступить с речью перед большой аудиторией слушателей.

Сталин страдал **агорафобией** – страхом открытого пространства, связанного с сопутствующими страхами.

Он боялся собственного тела – это так называемая **дисморфофобия**. Его зеркальное отображение: человек маленького роста с худобой, рябостью лица, неподвижностью левого локтя, атрофией мышц левой руки, сросшимися вторым и третьем пальцами левой руки, с правым запястьем толще левого, с правой укороченной рукой – было мало привлекательным для него самого.

Вместе с тем, он уделял большое внимание своим изображениям на портретах. Еще в 1922 г. художник И. Андреев нарисовал портрет Сталина. Будущий тиран написал красными чернилами: «Ухо сие говорит о том, что художник не в ладах с анатомией». – И. Сталин. Подчеркнул свою подпись и поставил на ухе жирный красный крест. И еще раз написал пониже: «Ухо кричит, вопиет против анатомии». – И. Сталин. Вот как Сталин разбирался в собственной анатомии. Хотя, честно говоря, ухо выглядело вполне нормально, не оттопыривалось. Да, в общем, это совсем не та часть головы, на которую следовало бы обращать внимание. Но вот он обратил внимание именно на ухо. По-видимому, понимал, что «Волка узнают по ушам». Вообще, Сталин любил свой приукрашенный образ. Поэтому позже на скульптурных изображениях и портретах лицо его выглядело холеным, разглаженным от морщин, исчезали оспины, глаза мудрые, уставшие, рост все увеличивался, плечи ширились, фигура становилась стройнее... Вначале начищенные до блеска сапоги, затем брюки с лампасами. Все ранние фото, где он был малорослый, рябой, темнолицый, коротконогий, были исправлены. Окружающие его товарищи стертые. Зато мы пели гимн вождю, чей портрет был приколот над столом любого руководителя.

Сталин боялся любой боли – **неинофобия** – и уж больше всего страшился врачей – **докторофобия**. Он не доверял врачам, а вот ветеринарному фельдшеру, своему другу, доверял. Когда он заболел, закрывался буркой и пил чай. Возражал против приглашения врачей. В результате докторофобии он в конце жизни, оставшись без медицинского патронажа, обрёл себя на роковой для него исход.

В 1946 г. у Сталина возник первый инсульт. Это его очень напугало. Он больше всего боялся смерти – **морсофобия**. С целью увеличения продолжительности своей жизни он специально в Киеве организовал институт геронтологии во главе с проф. Александром Богомольцем. Недолго поработал ученый в институте и вскоре скончался. В ответ на грустное сообщение Сталин сказал: «Всех обманул, мерзавец». Он любил

броские фразы, был доволен высказанной гадостью, как бы играя свою роль артиста, к тому же без большого притворства.

В общем, он был величайшим мастером интриг, психопатологической личностью со злобным, завистливым характером.

Первое « дело врачей »

Первой жертвой из врачей Сталина был профессор Бехтерев Владимир Михайлович – невропатолог, психиатр, физиолог, ученый с мировым именем. Бехтерев получил приглашение на консультацию к Сталину. Это совпало с приездом его в Москву на Первый Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров 20 декабря 1927 г. 21 декабря был день рождения Сталина. В последующие 2 дня (22-23 декабря) Бехтерев осматривал Сталина дважды по поводу развивавшейся атрофии мышц левой руки.

После беседы со Сталиным Бехтерев поставил ошеломляющий психиатрический диагноз – паранойя (психическое заболевание, характеризующееся стойким систематизирующим бредом преследования, ревности).

В тот же день вечером (23 декабря) Бехтерев смотрел в Малом театре спектакль «Любовь Яровая», в котором играла Елена Николаевна Гоголева в заглавной роли. По окончании спектакля Бехтереву настоятельно рекомендуют посетить музей театра, в котором и «взглянуть-то не на что было», – скажет позднее Гоголева. А затем его провожают вниз в кабинет директора театра и приглашают за приготовленный стол с чаем и пирожными. Когда Бехтерев отъехал на извозчике, у него появилась обильная рвота, она продолжалась и дома у друзей Бехтерева – Благоволиных.

В последующие часы Бехтереву стало совсем плохо, и хозяин дома, сам доктор, вызывает из «скорой» для ученых постоянно лечащего врача Бехтерева – Леонида Григорьевича Левина, его давнего друга. Но почему-то его телефон был отключен. Тогда доктор Благоволин звонит в ЦКУБУ (правительственная поликлиника на Гагаринском пер.), но вместо профессоров Кончаловского, Фромгольда, Плетнева или Зеленина, которые должны были специально ожидать срочных вызовов, приезжает проф. Бармин. После инъекции камфары через несколько часов Бехтерев умирает от остановки дыхания. Решили исполнить волю покойного и передать мозг в Ленинградский институт мозга, которым руководил Бехтерев, однако тело срочно кремировали в Шабловском крематории, хотя по всем канонам медицины скоростная смерть требует обязательного судебно-медицинского вскрытия. Мозг его по сей день ищут. Человек исчез – исчезли проблемы. Таков был сталинский принцип разрешения вопроса. Смерть, вернее, гибель Бехтерева потрясла весь ученый медицинский мир. Это произошло в 1927 г.

Второе « дело врачей »

Сталин последовательно проводил политические процессы врачей. Следующий процесс «врачей-отравителей» был спустя 10 лет, в 1937 г., над профессорами Л.Г. Левиным, Д.Д. Плетневым, В.Д. Казаковым, «злодейски умерщвлявшими» А.М. Горького, В.Р. Менжинского и В.В. Куйбышева.

Однажды, в 30-е годы, у Сталина обострился псориаз (хроническая кожная болезнь). Доктор В.Д. Казаков лечил его лизатами белковых препаратов. Инъекции этого малоэффективного, по сути, знахарского лекарства несколько помогли Сталину, что послужило основанием создать для Казакова институт обмена веществ, оснастить его дорогостоящим импортным оборудованием. Однако через некоторое время пятно, поразившее кожу генсека, стало увеличиваться. Доктор Казаков был арестован, а дело было приобщено к процессу об отравителях с Плетневым и др.

Проф. Плетневу приписали, что, кроме всего прочего, он при осмотре пациентки, которая перенесла тиф, укусил её за грудь, и у неё развился мастит. Его не казнили, а приговорили к 25 годам тюремного заключения. Плетнев отбывал свой срок в Орловской

тюрьме, в подвале, и был расстрелян 11 сентября 1941 г., перед тем как в город вошли немцы.

Среди обвинителей Плетнева оказались В.Ф. Зеленин, Б.Б. Коган, Э.М. Гельштейн, М.С. Вовси. Неблаговидную роль в судьбе Плетнева сыграл В.Н. Виноградов, его ученик, подтвердивший заключение экспертов. Примечательно, что все они и другие авторитетные ученые были арестованы через 15 лет по «делу врачей».

Сталин все больше тяготел к «большому террору».

Это все делал человек, веривший в мистику, не отрицавший телепатию, но не веривший в Бога.

Встречи с Вольфом Мессингом [9]

Сталин относился с некоторым доверием к Вольфу Мессингу.

В конце 1947 года Сталин вызвал Мессинга к себе и сказал:

- Будешь выступать в Государственном еврейском театре на Малой Бронной – будешь выступать среди своих.

Мессинг ответил: «Я не различаю зрителей по национальности».

Сталин грубо сказал ему:

- Врешь. К тебе за кулисы обязательно зайдет Михоэлс – ваш кумир. Прочитай его мысли. Узнай, что он затеял против страны. Его планы, связи с Америкой.

И далее продолжал:

- Ты знаешь, что наше издательство вместе с Америкой создаёт «Черную книгу» – о зверствах фашистов над евреями.

- Полезная книга, - ответил Мессинг. – Мою всю родню погубили фашисты.

- Не полезная, а националистическая! – взорвался Сталин. – Ты защищаешь своих!

Прощупай Михоэлса обязательно.

Михоэлс сам пришел в примерную к Мессингу. Они встретились как старые добрые друзья. Вид Михоэлса обескуражил Мессинга. Перед ним стоял сильный человек с непропорциональными чертами лица, часто свойственными гениям. На него глядели лучистые добрые глаза. Мессинг заглянул в его сознание – помыслы Михоэлса были светлы, как и его душа. Теплая беседа... Прощаясь, Мессинг задержал руку Михоэлса, и тот спросил:

- У меня ощущение, что Вы прощаетесь со мной. – Мессинг покраснел, но нашелся, что ответить:

- Не очень часто мне удается пожимать руку Короля Лира. – Оба рассмеялись.

Прошло несколько дней. Сталин принял Мессинга в комнате, закрытой шторами.

Сталин сказал: «Знаю, что виделись с Михоэлсом и знаю, о чем Вы говорили. Но что прочитали в его мыслях?»

- Они чисты, - ответил Мессинг.

- Покрываете своего, - дернулся Сталин.

- Зачем? – ответил Мессинг. – Я знаю: когда еврейский театр вместе с главным режиссером Грановским решил остаться за границей, именно Соломон Михоэлс был против и вместе с группой артистов вернулся домой.

- Вы не скажете мне правды, – заметил Сталин. – Что Вы еще увидели, встретившись с Михоэлсом?

- Его смерть, – ответил Мессинг.

Сталин засмеялся: «Даже я не вечен, хотя грузины живут долго».

Последняя встреча Сталина с Мессингом состоялась в начале 1948 года.

Сталин сказал: «Американцы имеют атомную бомбу, а мои ученые только обещают. Можно им верить?»

- Этим солидным ученым можно верить.

«Вы меня обрадовали». – Потом Сталин показал Мессингу фотографию.

«Знаете, кто эта женщина? Весьма общительная, культурная, симпатичная. Чья она жена?»

- Нет, не могу, – ответил Мессинг.

«Значит, и Вы не можете», - с удовлетворением проговорил Сталин. – «Это жена Молотова».

- Она же в тюрьме, - нервно вымолвил Мессинг.

- А где еще. И жена Калинина там же. Вот нашел «жемчужину» мой министр, Полину Семеновну, а может быть, Соломоновну. Вы говорите: культурная. Она шпионка.

Он любил арестовывать жен своих приближенных, чтобы наблюдать, как рушатся семьи.

- До свидания, товарищ Мессинг, – сказал Сталин. – Я надеюсь и не сомневаюсь, что о нашем разговоре, как и о другом, никто не узнает. Вы понимаете, чем грозит болтливость.

Мессинг дочитал мысли Сталина. Подозрительность у него растет. В зрачках Сталина Мессинг увидел реки пролитой крови.

В то время Сталин намечал план разгрома еврейской буржуазной культуры и слова «еврейский буржуазный национализм» были у всех на слуху.

Протест некоторых ученых

Наращение антисемитской деятельности Сталина вызывало протест некоторых ученых. Аркадий Ваксберг («Из ада в рай и обратно», [2]) рассказывает об удивительной смелости письма Сталину, написанного в то время (4 февраля 1949 года) старым украинским ученым, почетным членом АН СССР Николаем Федоровичем Гамалеем:

«Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович! Как один из старейших ученых нашей страны я обращаюсь к вам с настоящим письмом, не имеющим абсолютно никаких личных моментов...Для меня, как и для многих моих друзей, является совершенно непонятным и удивительным факт возрождения такого позорного явления, как антисемитизм... Антисемитизм идет сверху и направляется чей-то «высокой рукой». Только благодаря явному антисемитизму выдающиеся ученые нашей страны, составляющие её гордость и славу, остались за бортом разных Академий, в то время как разные бездарности, порою неизвестные даже специалистам, оказались «избранными» в действительные члены Академии Наук... Я считаю, что по отношению к евреям творится что-то неладное в данное время в нашей стране». Надо же представить, что иезуитским ответом на письмо было награждение через несколько дней академика Гамалея орденом Ленина в связи с его 90 - летием. Академик горячо поблагодарил вождя народов за награду и тут же добавил: «Пользуясь случаем, хочу обратиться к Вам с одной просьбой... От пришедших поздравить меня лиц я узнал, что арестованы мои близкие (еврейские) друзья...Я просил бы Вас лично не допускать произвола и осуждения невиновных лиц, которые могут стать жертвами антисемитизма»... Ответа не последовало. Через несколько недель академик Гамалея умер.

«Дело врачей»

«Дело врачей» вошло в историю как символ саморазоблачения созданного Сталиным диктаторского режима.

Согласно принципу Питера, «в иерархии каждый индивидуум имеет тенденцию подниматься до своего уровня некомпетентности»... К этому времени Сталин достиг уровня своей полной некомпетентности.

У Сталина как человека, страдавшего навязчивыми идеями, возникла концепция боязни врачей – этих посредников между этим и потусторонним миром. Он мало верил, что они способны исцелять, а вот причинять вред – могут. По его соображениям, чем

теснее контакт с врачом, тем опаснее инфекция. Он полагал, что чем больше автономии получали профессора - медики, тем труднее ими управлять.

Когда Сталину стало за 70, он быстро начал стареть, и ему стало ясно, что его жизнь находится в руках профессионалов-врачей, особенно терапевтов, чьи знания трудно проверить. Здоровье диктатора подрывали такие серьезные хронические поражения сосудов головного мозга, как атеросклероз и гипертония, к тому же постоянные психические стрессы. Он чаще стал уединяться, душевно был опустошен, его терзали страхи, превратившиеся в манию преследования, его мучила подозрительность, особенно к тем людям, которые его окружали, даже к своим детям.

С осени 1952 г. его здоровье еще более подорвалось. Ранее, после войны, в 1945-1951г.г., он отдыхал с конца лета до начала зимы на юге. В 1951 г. он лишил себя отпуска, отдавая последние силы раскрутке «дела врачей». Никого не принимал на своей «ближней» даче. Сталин изводил себя мрачными картинами, в сновидениях и наяву, воображаемой глобальной террористической акции.

Под занавес он «запустил» дело кремлевских «врачей - вредителей». Это был апогей окончания еврейского вопроса. В «деле врачей» Сталин использовал уже отработанную им криминальную схему, изменив фамилии.

Известно, что 1 декабря 1952 г. на заседании Президиума ЦК Сталин заявил: «Любой еврей – националист, это агент американской разведки. Евреи считают, что их нацию спасла Америка... Они считают себя обязанными американцам. Среди врачей много евреев-националистов».

Как все началось

Еще в 1949 году началось гонение врачей из медицинских учреждений страны (лечебных, образовательных, научных, управленческих, академических). Наибольший размах оно получило во 2-м Московском медицинском институте. С начала 1949 года из него были изгнаны академик Л.С. Штерн, профессора Э.М. Гельштейн, И.И.Фейгель, А.М.Гринштейн, А.М.Гесилевич и др. Уволили и Я.Г. Этингера, которому и суждено было стать невольным инициатором и первой жертвой будущего «дела».

Порою врачи, работавшие в правительственных лечебных учреждениях, превращались в близких друзей своих пациентов. Секретов от своего доктора быть не может, коль скоро сама жизнь твоя и твоей семьи всецело зависит от мастерства исцелителя. Ведь врачи знают своего пациента наизусть, словно сами его сотворили. Чего греха таить, были и недомолвки среди докторов, конкуренция, особенно когда одного заменяли другим. Положение докторов Санупра обязывало подписывать подчас документ о сотрудничестве, такова была инструкция по охране жизни вождей и их семей. Врачи несли непосильную ответственность.

Проф. Этингер, консультант - кардиолог кремлевской больницы, давно находился под подозрением МГБ, начиная с 1944 г. Он привлек внимание частыми посещениями ЕАК, читал «Jewish Chronicle», выступал в поддержку создания еврейской республики в Крыму... Кроме того, на него был получен «компромат» от арестованного ответственного секретаря ЕАК Фефера. На допросе 22 апреля тот охарактеризовал Этингера как предводителя группы буржуазных еврейских националистов, окопавшихся в советской медицине.

Как потом стало известно, пользуясь якобы доверием Сталина, Рюмин в карьеристских целях, будучи еще старшим следователем МГБ, в конце 1951 г. забил проф. Этингера, пытаясь вырвать показания об антисоветской деятельности врачей-евреев.

В качестве доказательства его вины он извлёк из архива письмо-донос кардиолога Лидии Тимашук, написанное еще в 1948 г. в связи со смертью А.А. Жданова.

Как было известно, Жданов многие годы страдал сердечной недостаточностью, стенокардией. Его дважды обследовала бригада врачей-профессоров в составе Я.Г. Этингера, В.Н. Виноградова, В.Х. Василенко, П.И. Егорова. Электрокардиограмму делала

С.Е. Карпай. Никто не подтвердил диагноза инфаркта миокарда, считали, что имеется ишемия левого желудочка сердца на почве склероза и гипертонической болезни. Вторую ЭКГ уже делала Тимашук, которая диагностировала инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки, и об этом написала письмо начальнику управления охраны МГБ СССР Н.С. Власику. При этом она сообщила, что профессора - консультанты, которые его обследовали, не согласились с этим диагнозом и предложили ей переписать свое заключение, написать «осторожно», как это сделала доктор Карпай. «Считаю, что консультанты и лечащий врач Майоров недооценивают безусловно тяжелое состояние Жданова и разрешили ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало вторичный приступ и в дальнейшем может привести к роковому исходу».

На следующий день Абакумов передал это письмо Сталину. Либо Сталин верил кремлевским светилам больше, чем неведомой ему Тимашук, либо это был предусмотренный путь избавления от попавшего в немилость Жданова, как бы то ни было, на сопроводительном письме Абакумова стоит резолюция Сталина – «В архив».

Жданов умер в ночь на 31 августа, а 6 сентября руководство Лечсанупра Кремля устраивает патологоанатомическую конференцию. Ей предшествует экспертиза серии ЭКГ Жданова без указания его имени. Ни экспертиза, ни последующая конференция не подтвердили, но и не опровергли диагноза Л. Тимашук [4]. Летом 1951 г. Рюмин извлек письмо Тимашук и представил Сталину как доказательство, что Абакумов утаивал террористические намерения еврейского националиста Этингера. У Сталина к этому времени полностью созрел план об «окончательном решении еврейского вопроса». Сталин арестовал Абакумова и приказал новому главе МГБ, С.Д. Игнатьеву, разоблачить среди ведущих врачей-евреев группу вредителей.

Итак, 13 января 1953 г., в пятую годовщину со дня убийства Михоэлса, газета «Правда» опубликовала сообщение «Об аресте группы врачей-вредителей». Вот начало этого сообщения ТАСС:

«Некоторое время тому назад органами Государственной безопасности была раскрыта террористическая группа врачей, ставивших своей целью путём вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза. В числе участников этой террористической группы оказались: проф. Вовси М.С., проф. Виноградов В.Н., врачи-терапевты проф. Коган М.Б. и проф. Коган Б.Б., врач-терапевт проф. Егоров П.И., врач-отоларинголог проф. Фельдман А.И., врач-терапевт Гринштейн А.М., врач-терапевт Майоров Г.И.».

В группу еврейских «националистов» вошли такие знаменитости как Б.И. Збарский – заведующий кафедрой медицинской химии 1-го ММИ (он бальзамировал Ленина); проф. В.С. Левит – зав. кафедрой общей хирургии 1-го ММИ; проф. И.Л. Фаерман – зав. кафедрой общей хирургии Медицинского института РСФСР; Ш.Д. Мошковский – крупнейший специалист в области тропической медицины; Н.А. Шерешевский – директор эндокринологического института; проф. С.Е. Незлин – зав. отделением института туберкулеза; И.Л. Брауде – директор акушерско-гинекологической клиники; директор клиники профзаболеваний проф. Л.И. Фогельсон – основатель учения об ЭКГ. Всех их изгнали с работы, а многих арестовали.

Моего учителя академика И.Л. Тагера, главного рентгенолога Кремля, уволили с работы.

Среди арестованных были не только евреи, но и русские (академики В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, В.Ф. Зеленин, Б.С. Преображенский, профессора П.И. Егоров, Н.А. Попов, В.В. Закусов). Непонятно было, в чем уличили этих русских знаменитостей медицины, обеспеченных и обласканных властью людей. Почему-то в народе их считали скрытыми евреями. Как сообщалось, многие были связаны с международной еврейской буржуазной националистической организацией «Джойнт».

Аресты осуществлялись преимущественно по национальному признаку.

Еврейская угроза как средство от невроза

Получив от Сталина право творить над последственными физическую расправу, Рюмин почувствовал себя более уверенным. В декабре 1952 г. конвейер арестов доставил туда же профессоров А.М. Гринштейна, А.И. Фельдмана, А.С. Темкина.

В общей сложности в группу кремлевских «отравителей» следователи госбезопасности включили 37 арестованных; врачами из них были 28, остальные 9 – члены семей, причем 15 из 28 были евреями. Власти все время хотели подчеркнуть **еврейский характер «дела»**. В Харькове органы безопасности «разоблачили группу», состоящую из 36 «буржуазных националистов» под руководством профессора-эндокринолога В.Когана-Ясного, который впервые в СССР использовал инсулин для лечения больных сахарным диабетом.

Со многими из арестованных врачей мне пришлось быть знакомым и общаться.

Арестованный **М.С. Вовси** (двоюродный брат Михоэlsa) под нечеловеческими пытками заявил следствию, что он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР из США от организации “Джойнт”, через главного врача Боткинской больницы Москвы Шимелиовича и известного еврейского буржуазного националиста Михоэlsa».

М.С. Вовси признал все свои вымышленные преступления. Он согласился в признании, что он американский, английский и немецкий шпион. При этом даже расплакался, когда говорил следователю: «Вы сделали меня агентом двух разведок, не приписывайте хотя бы германскую – мой отец и семья брата в войну были замучены фашистами в Двинске». На что последовал циничный ответ: «Не спекулируйте кровью своих близких».

Я лично знал академика Мирона Семеновича Вовси и общался с ним через несколько лет после его освобождения из-под ареста. Выдающийся ученый, во время войны – Главный терапевт Советской Армии. Заведующий кафедрой терапии ЦИУ врачей. Когда я с ним встретился, он был уже серьезно болен – метастазы саркомы кости голени (места, по которым били, чтобы получить доказательства) через 6 лет после ампутации ноги. Он был резко бледен, имел утомленный, задумчивый вид. Не мог вспоминать о прошлом. Вскоре он скончался.

Совершенно необъяснимы с точки зрения логики были аресты ближайших, по-собачьи преданных, людей, таких, как личный доктор, терапевт, опытный врач, академик **Владимир Никитович Виноградов**. Его арестовали 4 ноября. Когда оперативники пришли арестовывать В.Н. Виноградова, их поразило убранство его квартиры: подобно музею, стены были украшены картинами И.Е.Репина, И.И.Шишкина, К.П. Брюллова и других первоклассных русских мастеров. При обыске были обнаружены золотые монеты, бриллианты, другие драгоценности.

Он был самым авторитетным кремлёвским врачом и лечил многих членов политбюро.

В 1943 г. он сопровождал Сталина на Тегеранской конференции «большой тройки». Последний раз, 19 января 1952 г., осматривая Сталина, Виноградов обнаружил у него расстройство мозгового кровообращения на фоне атеросклероза мозговых сосудов и гипертонической болезни и записал это в историю болезни, указав на необходимость строгого медицинского режима с ограничением рабочей нагрузки. Такие ограничения обычно дают врачи подобным пациентам. Об этой записи Берия незамедлительно доложил Сталину. Это заключение вызвало у Сталина бурный приступ гнева. Взбешенный, он сказал, что этот ученый – наглец. «Как он мог сделать такой вывод?! В кандалы его, в кандалы», – заорал Сталин, как об этом потом рассказал Н.С. Хрущев на XX съезде КПСС.

Я хорошо знал Владимира Никитовича после освобождения. Часто общался с ним на консилиумах, слушал его лекции, кстати, не очень интересные. У него в разговоре

часто проскакивало слово-паразит «куци». Как мне казалось, выговаривал он это слово, чтобы перебить заикание. Особенно он был силен, когда делал обходы больных и на консилиумах. Чувствовался прекрасный клиницист, познающий больного не по результатам анализов и инструментальных методов, а по интуиции и опыту.

В ночь освобождения из-под ареста он попросил его отвезти не домой, а в клинику. Когда в 4 часа ночи он позвонил в дверь, ему открыла безумно испуганная, еще не проснувшаяся, старая няня. Она открыла ему его кабинет, в котором уже обосновался новый хозяин клиники, академик Евгений Михайлович Тареев. Когда утром Тареев пришел в кабинет, его выгнал Виноградов и тут же пошел на утреннюю конференцию врачей, которые с испугом, удивлением и восторгом встретили его.

В.Н. Виноградов никогда не мог простить академику А.Л. Мясникову и другим профессорам-экспертам по «делу врачей» их заключений, хотя, впрочем, и сам запомнил, что был экспертом по делу проф. Плетнева.

Еще одной жертвой лжи был знаменитый терапевт, ученик Стражеско, академик **Владимир Харитонович Василенко**. Он заведовал кафедрой госпитальной терапии 1-го Московского Медицинского института. Мне довелось много лет общаться с В.Х. Василенко, он даже был оппонентом по моей докторской диссертации. Много раз мы отдыхали в санаториях 4-го Главного Управления (Кремля). Его жена была рентгенологом.

Когда началось «дело врачей», Владимир Харитонович был в Китае в командировке. Как только поезд пересек границу, его вагон отцепили и его арестовали. Он не очень любил рассказывать об этом событии.

После знакомства с архивами КГБ историк Костырченко сообщил [3], что 15 ноября 1952 г. лубянские следователи путем пыток выбили из проф. Василенко признание: «Судебный процесс по делу проф. Плетнева... открыл передо мной технику умерщвления путем заведомо неправильного лечения больного. Из материалов процесса я понял, что врач может не только навредить больному, но и коварным способом довести его до смерти. К этой мысли я в последующие годы возвращался не раз, вспоминая Плетнева, о том, как он занимался умерщвлением... И я решил пойти на умерщвление Жданова А.А.».

Читаешь эти строки и удивляешься, какую чушь мог подписать этот доктор, как говорят, от Бога...Этот героический человек, участник гражданской войны, принципиальный, требовательный, казалось бы, негибкий человек с украинским чувством юмора был сломлен.

Одним из участников «дела врачей» был профессор-патологоанатом Яков Львович Рапопорт. Он был репрессирован по этому делу и несколько месяцев был в заключении в Лефортовской тюрьме, но, пожалуй, больше, чем кто-либо другой, рассказывал и написал книгу [7] и множество статей по «делу врачей».

Мне пришлось довольно часто общаться с проф. **Я.Л. Рапопортом** на ученом совете института сердечно-сосудистой хирургии. Несмотря на все ужасы, перенесенные им за последние годы, Яков Львович всегда был разговорчивым, юмористичным, анекдотичным. Во время ВОВ был Главным патологоанатомом Карельского фронта. Он много рассказывал об общении с академиком Л.Д. Ландау и академиком Лившицем. Как-то поведал мне, что Ландау ему сказал: «Вот ты – крупнейший патологоанатом и вскрыешь мое тело после смерти». Между прочим, так оно и произошло – первая подпись под протоколом вскрытия была Рапопорта.

Мне пришлось быть хорошо знакомым с **Б.Б. Коганом**, который был арестован по «делу врачей». И я всегда удивлялся: откуда у этого человека, перенесшего столько угроз, пыток, потерявшего брата, проф. М.Б. Когана, по тому же «делу», откуда было столько оптимизма. Он всегда шутил, заигрывал с аспирантками.

Я не был знаком с **Я.С. Темкиным** – известным отоларингологом, но его учебник по этой специальности был у меня со студенческих времен. Его обе дочери (Вера Яковлевна

и Изабелла Яковлевна) сейчас живут с семьями в Бостоне. Кстати, Вера Яковлевна Темкина-Дарон – доктор химических наук, профессор, член нашего Клуба Русскоязычных ученых.

Профессор Я.С. Темкин был заведующим кафедрой Первого Московского медицинского института, автором многих монографий, оставившим след не только в отечественной, но и в мировой медицине. Он попал в котел «дела врачей», вероятно, потому, что был консультантом Лечсанупра Кремля. Я.С.Темкин был арестован прямо на рабочем месте во время приема больных. На допросах он не признался в своей вине. Это документально подтверждает его дочь Вера.

Меня интересовало, почему люди, проходившие по «делу врачей», неохотно рассказывали о перенесенном, хранили молчание. Наверное, были предупреждены: «не разбалтывать». Они избегали ненужных сплетен, появилось чувство недоверия – пришлось разочароваться во многих людях. Они напрямую столкнулись с жестокостью строя, лживостью, предательством и, прежде всего, со страхом.

Страх

Это чувство, присущее каждому. Сокрушение реальной жизни не зависит от разума – это ***инстинкт***. Страх, боязнь, испуг – разные понятия.

Боязнь – это чувство ожидания опасности. ***Испуг*** – неожиданность, а ***страх*** – это чувство, внушаемое объектом, которого боятся.

Страх – это самая гадкая из человеческих эмоций. Пожалуй, ничто так не выхолащивало жизнь, как страх в сталинские годы.

Если по-толстовски представить нашу жизнь как дробь, вынеся в числитель все хорошее, а в знаменатель – все отвратительное, то страх почти сведет эту дробь к нулю.

Кого и чего боялись в тот 1952 год? Арестов по ночам, разлуки с домашними, многодневных допросов, массовых репрессий и смерти.

Талант народа: художников, писателей, журналистов, маршалов, ученых – был парализован до того, еще в 30-е годы. Теперь к ним присоединили и врачей. Удивительно: чем больше люди обожествляли «Верховного», тем больше боялись. Казалось бы, одни должны были бояться, а другие – испытывать мстительность, восторг, реванш. Нет, победителей не было. Боялись неизбежной расплаты. Боялись на работе, дома, в кровати, под кроватью...

Надо было ***искоренить в себе все человеческое, все национальное***. Не на кого было опереться. Не осталось ни одного не скомпрометированного идеала, ни одной не оболганной личности. Об этом времени хорошо написал Борис Слуцкий:

Созреваю или старею: / Прозреваю в себе еврея.
Я-то думал, что я пробился, / Я-то думал, что я прорвался.
Не пробился я, а разбился, / Не прорвался я, а зарвался!»

Евреи всегда ощущали общность судьбы. Слагаемыми успеха евреев были: упрямство, упорство, старательность, вдумчивость, терпение, изобретательность, хитрость, ум, любовь к знаниям ... Но все это было сведено к нулю, потому что главным требованием этой борьбы было – ***переступить через себя, через личность и совесть*** “во имя идеалов коммунистической партии”.

Приходится удивляться: когда при проклятом царском режиме в 1913 г. судили Менделя Бейлиса, были протестующие голоса Короленко, Горького, Леонида Андреева, Федора Сологуба... Множество людей слышали повсюду «Воззвание к русскому обществу», подписанное десятками выдающихся деятелей науки и культуры. Почему же спустя 40 лет, когда началось «дело врачей», не было ни одного протестующего голоса? Был ***страх***, была другая интеллигенция, была покорность, личная незащищенность. Был

террор. У людей отобрали все: веру, культуру, философию и, наконец, профессионалов – врачей... Ставка была на уничтожение народа...

Как же реагировали простые люди на «дело врачей»? Население было зомбировано, т.е. верило, что официальные сообщения – это правда. Люди отказывались посещать врачей.

Прогнозируемой была и позиция коллег арестованных. Они остерегались своих недавних товарищей. Всеобщая гласность «дела врачей» преследовала цель – подготовку общественного мнения к будущему публичному процессу.

Было подготовлено письмо – обращение к тов. Сталину, которое составили евреи – академики Исаак Минц и Марк Митин, а также ведущий журналист-правдинец Яков Хавинсон. Многие видные евреи подписали это обращение. Можно их винить? Как говорят, не дай Бог оказаться на их месте. Важнее помнить имена тех, кто **не подписал**. Это генерал **Яков Крейзер**, академик **Евгений Варга**, писатель **Вениамин Каверин**, певец **Марк Рейзен**, шахматист **Михаил Ботвинник**... Не подписал письма **Илья Эренбург**. Он написал свое письмо Сталину.

Антисемитский шабаш вызвал возмущение во всем мире. Бен-Гурион назвал СССР «законом для рабов». Альберт Эйнштейн послал министру иностранных дел СССР телеграмму протеста. Сорок девять видных американских деятелей во главе с Элеонорой Рузвельт призвали президента Эйзенхауэра выступить в защиту советских евреев. Заявление сделал Уинстон Черчилль, осудивший действия Кремля.

Смерть тирана

В ночь на 1 марта 1953 г. Сталин вызвал на дачу своих приближенных: Берия, Маленкова, Хрущева, Булганина. Пили грузинское вино «Маджари», шутили. Разъехались как обычно – в 4 утра. Сталин сказал охране: «Ну, ребята, – всем спать. Мне ничего не надо, и я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобится». Во сне у Сталина возник инсульт. И хотя проф. А.Л.Мясников нашел у агонизирующего Сталина на губах следы крови как результат кровавой рвоты, вряд ли стоит думать, что Сталина отравили. Спровоцировать такой большой инсульт невозможно даже с помощью яда. Но удивительно, что до 10 вечера следующего дня никто не посмел войти в гостиную. И лишь когда привезли почту ЦК, охранники вошли и на пороге малой гостиной увидели лежащее на полу тело Сталина. Он был еще жив, шевелил рукой, но говорить не мог. Даже если бы рядом были врачи, в те годы спасти его было невозможно. Охранники дозвонились до Маленкова. В 3 часа ночи 2 марта Берия и Маленков появились у тела Сталина даже без сопровождения медсестры. Берия произносит странную фразу: «Товарищ Сталин спит, незачем его беспокоить», оставив тело на попечение охранников. Но те, испугавшись, начали требовать, чтобы прибыли врачи. Только в четверть девятого утра появились врачи с аппаратом искусственного дыхания, передвижной рентгеновской установкой, пиявками. Все это осталось без применения. Было засвидетельствовано дыхание Чейн-Стокса. Это означало отек в области ствола мозга, где расположены жизненно важные центры. Исход один – фатальность. Вызвали дочь Светлану и сына Василия... Агония наступила 5 марта в 21.50. Сталин вдруг на минуту открыл глаза и загадочно поднял левую руку, будто пригрозил всем нам. Все собравшиеся были потрясены ужасом этого жеста и взгляда. В такой же позе умирал Иван Грозный, которого Сталин считал своим учителем.

Сталин умер в еврейский праздник Пурим. И тут нельзя не процитировать А.И.Солженицына:

«Уже в который раз именно евреи подтолкнули застывшую историю вперед».

Вспоминается анекдот. Его рассказывали ещё при жизни Сталина.

«Вызывает он одного из провидцев и просит:

- Расскажи мне о моей судьбе.

Провидец сказал, что он умрет в один из еврейских праздников.

- Что это еще за праздник? – удивился Сталин.
- Это неважно, какой, важно, что для еврейского народа это будет праздник ».

Смерть диктатора перечеркнула все планы «верхушки». Четвертого апреля 1953г. все газеты сообщили о реабилитации всех арестованных по «делу врачей».

Бенедикт Сарнов приводит стихотворение, скорее частушки, сочиненные народом:

Дорогой товарищ Вовси,/ друг ты наш и брат!
Оказалось, что ты вовсе/ и не виноват.
Дорогой товарищ Коган,/ кандидат наук,
виновата эта погань/ – Лидка Тимашук.
Дорогой товарищ Фельдман,/ ухо - горло - нос,
ты держался, словно Тельман,/ идя на допрос”.

У истории всегда есть свидетели, но многие забывают, что у евреев – большой опыт справлять Пурим. Даст Бог, не раз еще справим ...

Источники

1. Александр Борщаговский. Обвиняется кровь. – Москва – Париж – Нью-Йорк: «Третья волна», 1994.
2. Аркадий Ваксберг. Из ада в рай и обратно. – М.: «Олимп», 2003.
3. Г.В. Костырченко. Тайная политика Сталина – власть и антисемитизм. – М.: «Международные отношения», 2003.
4. Ф.М. Лясс. Последний политический процесс Сталина. – Иерусалим: «Филобиблон», 2006.
5. Ж.А. Медведев. Сталин и еврейская проблема. – М.: «Права Человека», 2003.
6. Л. Пинскер. Автоэмансипация. – Петроград: «Восток», 1917.
7. Яков Рапопорт. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. – С.-Пб.: «Пушкинский фонд», 2003, 280 с.
8. А.Н. Яковлев. Сумерки. – М.: «Материк», 2005.
9. В.Л. Стронгин. Вольф Мессинг. – М.: «АСТ – Пресс – Книга», 2002.

От редакции. **УВАЖАЕМЫЙ ИОСИФ ЕФИМОВИЧ! ОТ ИМЕНИ И ПО ПОРУЧЕНИЮ ВСЕХ ЧЛЕНОВ MCRSS ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС С ИЗБРАНИЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЧЛЕНОМ (АКАДЕМИКОМ) РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ МЕДИКО-ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК И С НАГРАЖДЕНИЕМ ВЫСШЕЙ НАГРАДОЙ АКАДЕМИИ – ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬЮ ИМЕНИ А.Л. ЧИЖЕВСКОГО – ЗА ПРОФЕССИОНАЛИЗМ И ДЕЛОВУЮ РЕПУТАЦИЮ.**